

великолепные
ДЕТЕКТИВНЫЕ
истории

Юлия Лист

Поиграем в мафию

Татьяна Устинова

Казнить нельзя помиловать

Анна и Сергей Литвиновы

Любовь и диплом

Евгения Михайлова

Неля и Валентина

Альбина Нури

Старинная картина

Елена Логунова

День святого ламантина

Галина Романова

Счастье будет

Анна Князева

Любовь по стечению обстоятельств

Романтика
С ДЕТЕКТИВОМ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Редактор серии *А. Антонова*

Разработка серийного оформления —
А. Гаретов и С. Курбатов

Романтика с детективом : сборник рас-
Р69 сказов. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-194579-4

Что может быть прекраснее любви? Ей, как сказал поэт, все возрасты покорны. И все литературные жанры тоже! Отечественные мастера остросюжетной прозы не остаются в стороне — в их коротких детективных историях именно любовь становится катализатором загадочных и удивительных событий, в которых предстоит разобрататься отважным и очаровательным героям. В новый сборник вошли детективные рассказы популярных авторов — Татьяны Устиновой, Анны и Сергея Литвиновых, Анны Князевой и других известных писателей. Самые сильные чувства и яркие эмоции — на страницах этой замечательной книги!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-194579-4

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

• СОДЕРЖАНИЕ •

Юлия Лист

ПОИГРАЕМ В МАФИЮ

7

Татьяна Устинова

КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ

53

Анна и Сергей Литвиновы

ЛЮБОВЬ И ДИПЛОМ

58

Евгения Михайлова

НЕЛЯ И ВАЛЕНТИНА

91

Альбина Нури

СТАРИННАЯ КАРТИНА

130

Елена Логунова

ДЕНЬ СВЯТОГО ЛАМАНТИНА

159

Галина Романова

СЧАСТЬЕ БУДЕТ

215

Анна Князева

ЛЮБОВЬ ПО СТЕЧЕНИЮ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

263

ЮЛИЯ ЛИСТ

• ПОИГРАЕМ В МАФИЮ •

фициант, держа в одной руке поднос, аккуратно сдвинул на столике мотоциклетный шлем Эмиля и поставил перед ним высокий прозрачный стакан, наполненный черным фильтр-кофе, а перед Верой ярко-оранжевый лимонад в запотевшем бокале с долькой мясистого апельсина.

— Молчит. Подождем еще, — недовольно пробубнил Эмиль, открыв мессенджер на телефоне. — Ты не торопишься?

— Куда я могу торопиться в этом городе? — ответила Вера, сделав первый глоток с закрытыми глазами, и с наслаждением выдохнула. Холод ледяным облаком поднялся к переносице, ударил в лоб, распавшись

мирадами льдинок по всей голове. Она не сдержала блаженного стога.

Конец июня выдался особенно жарким. Это первое лето Веры в Париже. Кто мог подумать, что во Франции может быть так одуряюще жарко! И это несмотря на то, что днем прошел ливень, а сейчас солнце уже село.

Жизнь города кипела. Горели вывески магазинов и кафе, желтыми прямоугольниками сияли окна домов, фонари подсвечивали развесистые кроны платанов и каштанов. Мимо окон кафе, огибая столики на тротуаре, прошла яркая толпа туристов с фотоаппаратами, возглавляемая милой старушкой-гидом в красной беретке, промчался мотоцикл, следом вереница такси. Вдали над полотном крыш синим посверкивал кончик Эйфелевой башни.

В шумном мегаполисе как нигде была ощутима радость лета, вечера самого романтического города в мире, напоенного запахом речной воды, свежееиспеченных багетов, нагретого камня и вина, которое все здесь неспешно попивали, сидя на верандах или

прямо на тротуарах за маленькими круглыми столиками.

Вера и Эмиль сидели в скромном кафе в центре улицы Пон Луи-Филипп. Кафе в стиле лофт «Ле Пелотон» с незамысловатым белым фасадом и высокими панорамными окнами, позволяющими обозревать публику, которой не досталось места внутри. Вовсю работал кондиционер, столики напоминали огромные катушки из-под ниток из светлого неотесанного дерева, стулья — железяки, выкрашенные в кислотный желтый. За полукруглой барной стойкой теснились люди, бармен едва успевал молоть кофе, выжимать из апельсинов сок и так отчаянно гремел кубиками льда, что заглушал работающий телевизор, висевший в углу.

Эмиль опустил локти на край стола и, прищурившись, наблюдал за теми, кто занял столики по ту сторону витража, на тротуаре в тесном соседстве с длинным рядом припаркованных велосипедов и байков.

— Что скажешь о том типе в черном? — спросил он, сделав движение подбородком.

Вера обернулась, кинув взгляд на молодого шатена в черной футболке за стеклом,

который молча слушал девушку в открытом летящем платье «миль флер», копна ее золотистых кудряшек распалась по плечам до пояса. С сияющим лицом и очень живо жестикулируя, она что-то ему рассказывала.

— Они похожи на нас с тобой. — Вера улыбнулась. Отпив глоток лимонада, она заложила за ухо растрепанную прядку русых волос и поправила складки сарафана. — Я тоже вечно что-то тебе рассказываю, а ты продолжаешь резаться в игрушку на телефоне или смотришь в одну точку, давая понять, что нацелен думать о своем.

— Нет, — отмахнулся Эмиль, — что скажешь о нем как о личности? Сможешь составить психологический профиль, наблюдая, как он общается со своей девушкой?

— Она не его девушка. Они друзья, учатся или работают вместе.

Эмиль отправил Вере тяжелый взгляд-просьбу не придирается к словам.

— Скажу, что твоя мания всех делить на архетипы мешает тебе глубже смотреть на людей. Человек внутри гораздо красочней, чем могут рассказать о нем таблицы. А его

10 ты отметил первым, потому что он такой же

мрачный, как ты, паранойял или шизоид... Нет, скорее, паранойял, помешанный на какой-нибудь идее, живущий в вечном страхе разоблачения или предательства. Вместо того, чтобы слушать свою миловидную собеседницу и наслаждаться романтическим вечером, он, видимо, обдумывает какие-то темные делишки.

— Жестоко, — усмехнулся Эмиль, достал из переднего кармана джинсов маленькую баночку с лекарством и высыпал на ладонь две капсулы.

— Ты чувствуешь к нему ревность? Зависть? Конкуренцию? — Вера отпила лимонад и зажмурилась, как кошка. Этим вечером совершенно не хотелось думать.

За целый рабочий день, который она провела за опросными беседами в профайлинговом агентстве Эмиля, ей надоело видеть в людях схемы и графики, делить их на типы и виды. Хотелось просто пить лимонад, дышать пряным воздухом вечернего Парижа и мечтать о чем-нибудь приятном и романтическом!

Но шеф, как истинный паранойял, не мог позволить себе расслабиться даже после

тяжелого трудового дня. Даже сейчас, пока они просто сели передохнуть и дожждаться сообщения от начальника уголовной полиции — его дяди, с которым они часто сотрудничали, Эмиль думал о работе.

На отповедь Веры он ничего не ответил, молча закинул лекарство в рот, запив капсулы большим глотком кофе. После того как хирурги чудом вернули его с того света после ранения, он сидел на обезболивающих, самостоятельно назначая себе дозировки прописанных врачами лекарств.

Никто бы никогда его не принял за частного детектива и бывшего полицейского и уж тем более не догадался, что Эмиль криминальный аналитик, профайлер и бывший оператор детектора лжи. Черные, крашеные иглы волос, то ли от отсутствия шампуня, то ли от обилия укладочного средства, торчали во все стороны, в мочках ушей — тоннели, мятая черная футболка с изображением его любимого аниме-персонажа по имени Эл из «Тетради смерти» и причудливые изгибы татуировок на жилистых руках и шее. За стеклом витража рядом с велосипедами и байками стоял его мотоцикл — черный, бле-

стящий «BMW» «RR», на котором он гонял по городу, рискуя своей жизнью и жизнями пешеходов.

— Вообще-то, — скривился Эмиль, — моя теория об архетипах была принята префектом, и ее на прошлой неделе запатентовали как одну из самых успешных методик типизации преступников и их жертв. Я работал над ней пять лет, а ты пытаешься поднять меня на смех. Некрасиво.

Он попытался быть серьезным и казаться обиженным. Но Вера за год знакомства быстро вычислила, что единственный его способ коммуникации с людьми — это смесь иронии и едкого сарказма.

— Типизации Леонгарда нам вполне хватало. — Она сморщила нос. Но эго потянулось защищать свой диплом психолога. — Старые добрые «гипертимный тип» и «шизоид», «эпилептоид» и «тревожно-мнительный», «эмпат»... Этого вполне достаточно, чтобы, раздав людям ярлыки, пытаться понять, кто есть кто. Можно еще и Личко вспомнить. Он подробней.

Напрасно она это затеяла. У Эмиля загорелись глаза.

— Дело в том, что про типизацию Личко, которого я лично очень уважаю, во Франции не знают. — Он склонился к ней. Зрачки пылали. — Типология Леонгарда ближе, но все равно для одних звучит как китайская грамота, для других — лишь ярлыки: этот — шизик, этот — эпилептик, а этот — истеричка. Эти слова понятны лишь нам с тобой. Простые полицейские — а они в основном эпилептоиды — люди с базовой потребностью статуса, власти, часто с ограниченным IQ, да и следаки тоже, основная масса...

— С ограниченным IQ? — остановила его Вера.

Эмиль скривил лицо.

— Ладно, скажу мягче: с топорным мышлением. В полицию идут мериться членами! Никто особо не горит желанием изучать психологию, и уж тем более вникать в то, что такое акцентуации характеров. А между прочим, в каждом из нас есть чуточку от шизоида, чуточку от эмпата, и убийцами нас могут сделать смещения акцентуаций. В школе полиции этому не учат. Ну, может, вскользь.

Вера нахмурилась и, чтобы скрыть тот факт, что Эмиль прав, схватилась за бокал

и спрятала за ним половину лица, прижав холодное стекло ко лбу. Ну почему он не может просто расслабиться? Как можно жить в Париже и все время думать про убийства и преступность!

— Им нужны понятные термины, понятно объясненные, — завелся шеф. — Типология Юнга устарела. Полицейским не объяснишь, что такое анима и анимус, типология Кэрол Пирсон тоже устарела. С лохматого восьмьдесят шестого мир узнал о киногероях Marvel, DC и о Гарри Поттере. Мы стали мыслить новыми категориями, их нужно учитывать. Мне понравились архетипы, которые чаще всего используют русские: принцессы и маги, ведьмы. Это у них я взял идею заняться корпоративным профайлингом.

— Ты заиклен на своих русских корнях.

— Допустим. Не в этом дело. Их архетипы больше подходят им — русским. Ты же знаешь, что большинство славян, в силу своего этноса, — эпилептоиды.

Вера кивнула. Эпилептоид ей всегда напоминал генерала из «Такси 2», капитана Смоллетта и персонажа Булдакова из «Особенностей национальной охоты».